

УДК 821.161.1.09 Гоголь

АЛЕКСАНДР МИХИЛЕВ

(Николаев)

ГОГОЛЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИССИИ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

У статті розглядається актуальна для літературознавства проблема місії письменника. Особливої актуальності вона набуває в умовах сучасного літературного процесу, коли загострилась боротьба двох основних концепцій місії художника – гуманістичної, яка розглядає мистецтво як спосіб розширення і збагачення духовно-морального простору особистості й утвердження достоїнства людини, з одного боку, та мистецтво як форму гри, яка не має ніякого стосунку до суспільних проблем, – з іншого.

Метою дослідження є виявлення спільності гоголівських суджень про місію письменника і роль мистецтва зі світовою гуманістичною традицією, властивою великій літературі від античності до наших днів. У процесі дослідження встановлено, що гоголівська концепція місії письменника в основних своїх параметрах збігається з положеннями, сформульованими Аристофаном, Горациєм, Данте, німецькими романтиками, видатними письменниками ХХ–ХХІ століть.

Наукова новизна полягає як у самій постановці проблеми, що раніше не розглядалася в такому аспекті, так і в її перспективності у подальших дослідженнях.

Ключові слова: місія письменника, мистецтво, гуманізм, «справа загального добра».

Творчество Н. В. Гоголя заслужено является органической частью золотого фонда мировой литературы, и как таковое вошло, пользуясь выражением М. М. Бахтина, в «большое время», то есть стало трансвременным – востребованным и актуальным для новых поколений и новых эпох для разных стран и народов. Об этом свидетельствуют переводы его произведений на многие языки и огромный объем исследований о его творчестве. Объем этот так велик (десятки монографий, сотни специализированных сборников, тысячи научных и публицистических статей), что составитель первой гоголевской «Энциклопедии» (2003) Б. Соколов даже констатировал: «...уже во второй половине ХХ в. исследователи-гоголеведы стали зримо повторять мысли своих предшественников. Новые прочтения гоголевских текстов и истолкования его жизненного пути связаны с новейшими гуманитарными теориями, будь то различные версии психоанализа или бахтинской карнавализации. Все эти теории интересны сами по себе, но к собственно гоголевским замыслам не имеют никакого отношения» [12, с. 15].

То есть в данном случае речь фактически идет о том, что гоголевское творчество настолько исследовано, что уже как будто бы о нем все сказано и нечего больше исследовать. С подобным утверждением вряд ли можно согласиться.

Во-первых, далеко не все исследовано, и в главной мере то, что относится, в частности, к рассматриваемой в данной статье теме. Хотя эстетические взгляды Гоголя неоднократно были предметом внимания исследователей (В. Гиппиус, Н. Золотусский, Ю. Манн, М. Храпченко), однако, как правило, речь в них шла в основном о контексте европейского романтизма. Рамки этого контекста расширил Ю. Манн, который считает,

что «применительно к Гоголю-критику и теоретику проблема должна быть сегодня переформулирована: «не романтизм, а более широкое явление – философское движение классического идеализма – было его главной питательной средой» [5, с. 472]. Мы же считаем, что и данный контекст недостаточен, поскольку представления Гоголя о миссии писателя и об общественно-преображающей силе искусства восходят к античности – Гомеру и Платону (см., например, «Об Одиссее», переводимой Жуковским, и «Женщина» [5, с. 203–211; 7–11]).

Во-вторых, классика художественной литературы (литература «большого времени») обладает некой общей доминантой, и доминанта эта – человек в многообразии его бытия: его сущность, его судьба в меняющемся мире, его чувства, переживания, страдания, его стремление к лучшим формам жизнеустройства, его поиски Бога, то есть высшего смысла жизни, сострадание и сочувствие к другим людям, осознание им единства человеческого рода.

Все это вместе взятое и являет собой гуманистическую сущность большой литературы, ее сердцевину, ее онтологию, что и обеспечивает ее трансвременную способность и бессмертие. Эти качества были заложены уже родоначальником европейской литературы Гомером в его эпических поэмах «Илиада» и «Одиссея», которые до сих пор обладают мощным эстетическим и нравственно-этическим воздействием на читателя. Достаточно вспомнить в этой связи хотя бы эпизод из «Илиады», в котором Гомер рассказывает о том, как глубокой ночью, тайком, в греческий стан к Ахиллесу, непримиримому врагу троянцев и убийце своего сына Гектора, приходит троянский царь Приам, чтобы выкупить тело сына.

Смертельно опасная и, на первый взгляд, безумная затея (явиться в лагерь своего беспощадного врага) под пером Гомера превращается в трогательную и волнующую, полную глубоких смыслов сцену примирения двух заклятых врагов, которым, волею поэта, открылась высокая и трагическая истина общечеловеческого удела – терять близких и страдать.

И эта истина исторгает у обоих, и у несокрушимого Ахиллеса, и убитого горем Приама, слезы очищения и примирения: «Оба они, вспоминая: Приам знаменитого сына, / Горестно плакал, у ног Ахиллеса в прахе простертый; / Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла, / Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому» [7, с. 437].

Горестная печаль, переживаемая героями-антагонистами, троянцем и греком, и излившаяся в плаче, побуждает Ахиллеса к философским размышлениям о трагизме человеческого бытия на земле, о необходимости мужества перед лицом такого удела и пробуждает в нем, необузданном и безжалостном, чувство сострадания и желание утешить своего врага. Он обращается к исполненному горя и печали Приаму с утешающей сентенцией: «... и как мы не грустны, / Скроем в сердцах и заставим безмолвствовать горести наши. / Сердца сокрушительный плач ни к чему человеку не служит: / Боги судили всеильные нам, человекам несчастным, / Жить на земле в огорченьях: боги одни беспечальны» [7, с. 437–438].

Примечательно, что в созданной поэтом художественно-убедительной и берущей за душу ситуации предстает не только стоически-трагическая судьба какого-то грека по имени Ахиллес или троянца по имени Приам, но в них и через них неожиданно открывается прорыв в общечеловеческую судьбу и, через эстетическое переживание и сострадание, в судьбу каждого читателя. Приобщаясь к переживаниям и размышлениям

героев большой литературы, читатель постигает общечеловеческие смыслы индивидуального человеческого бытия, приобщается к высоким помыслам и благородным поступкам, независимо от времени, в котором он живет.

Эту гуманистическую особенность гомеровского гения чутко уловил Гоголь, о чем свидетельствует его письмо к Н. М. Языкову о переводе «Одиссеи» В. А. Жуковским на русский язык, которое затем, переработанное, появилось в виде статьи в ряде журналов (1846) и позже было включено в «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

Придавая огромное значение появлению «Одиссеи» на русском языке и говоря о ее влиянии, которое она произведет в России «как вообще на всех, так и отдельно на каждого» [5, с. 205], он особо отмечал то обстоятельство, что в «Одиссее» «заклучились все нужные условия, дабы сделать ее чтением всеобщим и народным» («увлекательность сказки и вся простая правда человеческого похождения»), потому что «она есть вместе с тем самое нравственнейшее произведение и что единственно затем и предпринятое древним поэтом, чтобы в первых образах начертать законы действий тогдашнему человеку» [5, с. 205–206].

Для Гоголя важно то, что «дух содержания» поэмы (жизнь человека – беды и страдания, с которыми ему нужно бороться и «ни в коем случае не следует унывать, как не унывал и Одиссей» [5, с. 206]) обличен «во всю обворожительную красоту поэзии» и что Гомер «хотел бы навеки утвердить в людях ... что в них похвально, напомнить человеку лучшее и святейшее, что есть в нем и что он способен позабыть всякую минуту, оставить в каждом лице своем пример каждому на его отдельном поприще, а всем вообще оставить пример в своем неутомимом Одиссее на общечеловеческом поприще» [5, с. 207].

В этом суждении зрелого Гоголя о гомеровском «Одиссее» запечатлены основные положения его концепции общественной роли искусства и миссии писателя. Во-первых, отчетливо акцентируется нравственная доминанта искусства (эпохальное значение «Одиссеи» объясняется прежде всего тем, что в ней начертаны «в живых образах... законы действия тогдашнему человеку» и выражено страстное желание, обличенное «во всю обворожительную красоту поэзии то, что хотел бы утвердить навеки в людях... что в них похвально, напомнить человеку лучшее и святейшее, что есть в нем, ...дать пример в своем неутомимом Одиссее на общественном поприще» [5, с. 206–207]).

Во-вторых, нравственное начало сопрягается с богатейшим познавательным содержанием («Одиссея захватывает весь древний мир, публичную и домашнюю жизнь, все поприще тогдашних людей... трудно далее сказать, чего бы не обняла «Одиссея» или что было бы в ней пропущено», и она наилучшим образом будет содействовать «живому познанию древнего мира» [5, с. 203–204, 210]).

В-третьих, «Одиссея» является образцом художественного совершенства (в ней соединена «увлекательность сказки и вся простая правда человеческого похождения, имеющего равную заманчивость для всякого человека, кто бы он ни был»; «И как искусно сокрыт весь труд многолетних обдумываний под простотой самого простодушнейшего повествования!... чтобы не утомить никого, не запутать неуместной длиннотой поученья, но развить и разнести его невидимо по всему творению, чтобы играя, набрались все того, что дано не на игрушку человеку и незаметно надыхались тем, что знал он и видел лучшего на своем веку и в своем веке» [5, с. 205, 208]). Отмечает Гоголь и удивительное совершенство композиционного построения и всего произведения, и каждой песни.

В-четвертых, мощное эстетическое начало, которое воздействует на вкус и развитие эстетического чувства, поскольку «Одиссея» представляет собой образец подлинного

великого творения как в плане содержания, так и в плане выражения: все в ней «величаво», «и, кажется, как бы действительно слышишь в нем богоподобное происхождение человека» [5, с. 211].

Здесь отразилось одно из ключевых положений гоголевской концепции миссии писателя – учительской и наставнической, подвижнической – на путях служения обществу и человеку, побуждения словом того и другого к высоким помыслам и благоразумным деяниям. Как справедливо заметил автор дореволюционного сочинения «Гоголь как учитель жизни»: «На призвание поэта он смотрел как на подвиг, и поэтому едва ли кто из писателей относился к слову, как он» [6, с. 71].

Об этом красноречиво говорит раздел «О том, что такое слово», который он включил в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». В нем он, в частности, пишет, что «поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще», аргументируя это прежде всего высказыванием Пушкина: «слова поэта суть уже его дела» [5, с. 197]. И чем истины выше, тем осторожнее должен быть с ними поэт, с уст его не должно слетать «слово гнило», ибо его «поприще-слово» и ему «определенно говорить о прекрасном и возвышенном» [5, с. 190].

Прекрасное и возвышенное волнует его и формирует его эстетику с юных лет. Первые суждения Гоголя об искусстве относятся к началу 30-х годов XIX века, когда он едва перешагнул двадцатилетний возраст и когда были написаны его первые небольшие статьи «Женщина», «Борис Годунов», «Несколько слов о Пушкине», «Скульптура, живопись и музыка».

Для всех них характерно восторженно-экстатическое восприятие искусства как сферы красоты и возвышенных чувств, как чудесной способности даровать человеку «высокое и дивное наслаждение, ... поселяя в одну душу ответ на жаркий вопрос другой» («Борис Годунов. Поэма Пушкина» [5, с. 15]. Он восхищается способностью «дивного поэта» воскрешать минувшее, представлять его в трепетании и чудном блеске; вызывая в душе отклик, «когда вся» отжившая жизнь отзывается во мне и страсти переживаются сызнова в душе моей» [5, с. 15]. Эту способность искусства оживлять прошлое (и теперешнее) уже в зрелом возрасте он назовет величайшим достоинством, присущим только таким великим поэтам, как Гомер, у которого «весь погаснувший древний мир является ... в том же сиянии, освещенный тем же солнцем, как бы не погасал вовсе, дабы сохраниться навеки живым в памяти человечества» [5, с. 303].

Он благодарит Создателя за скульптуру, живопись и музыку – «три чудные сестры», которые «посланы им украсить и уладить мир. Без них он был бы пустыня и без пения катился бы по своему пути» [5, с. 23]. Красота для Гоголя есть исток («родина») всей поэзии – и лирической, и эпической, и драматической, а поэтом может быть «только тот, кто более других способен чувствовать красоту творения» и «потребность поделиться своими чувствами» (лирика) или «доказать какую-нибудь мысль» (проза) [5, с. 391, 392], то есть сфера духовности, сопряженной с высшими смыслами бытия – красотой и тайной творения, сфера же эта доступна лишь поэтам, что налагает на них особую ответственность.

Словесность для него, как пишет он в «Учебной книге словесности для русского юношества», это «все, что должно быть передано от отцов к сыновьям в научение», это «сумма всего духовного образования человека», и задача литературы и литератора – передать человеку в «образе», «в виде яснейшем, живейшем, способном остаться навеки в памяти» все узнанное и прочувствованное, «как в мире внешних явлений, так и в миру

внутренних явлений, происходящих в собственной душе его» [5, с. 385]. Поэтому великими поэтами он называет тех, «которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли минувшее и прозрели будущее, которых глагол слышится всем народам. Они великие жрецы («Аль-Мамун») [5, с. 90].

Таким великим поэтом и великим жрецом искусства предстает и сам Гоголь, для которого стало «близким и кровным дело общего добра» [12, с. 102], «душа и прочное дело жизни» [5, с. 264] и который, после выхода в свет первого тома «Мертвых душ», заявляя, что в его «сердце всегда обитало желание добра и что единственно из-за него ... взялся за перо», упрекал себя за то, что не исполнил свой долг надлежащим образом [5, с. 256]. Красноречивое свидетельство высоких требований Гоголя к миссии писателя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фундаментальным принципом гоголевской концепции искусства и миссии писателя есть неразрывное единство нравственного и эстетического в творчестве, принцип, который органически вписывается в контекст большой литературы, начиная от Гомера и заканчивая крупнейшими писателями нашего времени.

Приведем несколько подтверждающих это утверждение примеров. Так, уже Аристофан в своих комедиях неоднократно говорил об общественно-полезной роле комического поэта. В комедии «Ахарняне» устами предводителя хора (ипостась автора) он говорит, что поэт:

... расскажет в комедии правду.
Он берется хорошему вас научить, чтобы вечно вы
счастливы были.
Он не станет вам льстить, мзды не станет сулить,
не захочет не лжи не обмана.
Он не будет хитрить и чрезмерно хвалить,
он хорошему граждан научит [1, с. 44].

В комедии «Лягушки», в которой представлено состязание Эсхила и Еврепида в загробном мире за право вернуться на землю, чтобы помочь преодолеть трудности родному городу, Аристофан доверяет «отцу» древнегреческой трагедии Эхилу изложить кредо античной поэзии:

Вот о чем мы, поэты, и мыслить должны,
и заботиться с первой же песни,
чтоб полезными быть, чтобы мудрость и честь,
среди граждан послушливых сеять.
и далее: ... «Малых ребяток
Наставляет учитель добру и пути, а людей
возмужавших – поэты.

О прекрасном должны мы всегда говорить [2, с. 378, 380].

Разве не этими принципами «дела общего добра» руководствуется Гоголь в своих литературно-критических работах, рассуждая о роли искусства и писателя; разве не думами о собственной миссии перед страной и народом навеяны его патетически взволнованное лирическое отступление в «Мертвых душах»: «Русь, чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полное ожидание очи?» [4, с. 490]. Говоря в другом

месте о том, что поэты приходят из народа и несут в себе его свойства, он видит их особенность в том, что они – «огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его» [5, с. 369]. Думается, что именно глубоким пониманием возложенной на себя миссии «передового вестника сил» своего народа и непомерной ответственностью не обмануть его ожиданий и сказать слова, указующие верный путь, и обусловлено это обращение к Руси.

Эстафету единства нравственного и прекрасного, утверждение добра через красоту продолжает римский поэт Гораций. В «Науке поэзии» он пишет:

Мало стихам красоты – пускай в них будет улада,
Пусть увлекают они за собой наши лучшие чувства!

и добавляет: «Мудрость – вот настоящих стихов исток и начало!» [8, с. 769, 775]. Вспомним в этой связи гоголевское суждение о великих поэтах, которые должны быть одновременно и философами, и историками, и что литератором может быть только тот, «кто больше, глубже знает какой-либо предмет, кто имеет сказать что-либо новое» [5, с. 385].

Гоголевская концепция искусства как божественного дара и поэта как медиатора этого дара перекликаются с концепцией первого великого поэта эпохи Возрождения Данте:

Искусство смертных следует природе,
Как ученик её, за пядью пядь;
Оно есть божий внук, в известном роде,
Им и природой, как ты должен знать
Из книги Бытия, Господне слово
Велело людям жить и процветать [9, с. 54].

Родство гоголевской эстетики с эстетикой немецкого романтизма отмечалось неоднократно, поэтому останавливаться на нем не будем, а укажем, что она была дополнена присущим античности и русской литературе понятием служения общему благу и добру. Задаваясь вопросом «в чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем же ее особенность?» (одноименный раздел в «Выбранных местах из переписки с друзьями»), он увидел её особенность в присущей ей высокой одухотворенности и в порыве к высшим сторонам бытия. Он усматривает его в «светоносном начале» у Ломоносова, в том, что его занимает «наука жизни» больше, чем наука сама по себе, что в его одах «слышно ... стремление начертать законы правильных действий человека во всем, даже в самых его наслаждениях» [5, с. 334, 336]. Державина он называет «певцом величия» [5, с. 337], Крылова – «поэтом и мудрецом», который дает «уроки всем степеням в государстве, начиная от главы ... и до последнего труженика, работающего в низших рядах государственных» [5, с. 337]. Сущность же поэта для него воплощена в Пушкине – «чутком создании на все откликающемся в мире», способном исторгать «электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творенье Бога, – его высшую сторону, знакомую только поэту» [5, с. 345, 344]. Пушкин же для него остается и образцом служения «делу общего добра», о чем свидетельствует цитирование им в статье «О лиризме наших поэтов» известных пушкинских строк (в несколько отличном от канона варианте):

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувство доброе я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал [5, с. 226].

Гоголевская концепция миссии писателя «как служения делу общего добра» оказалась созвучна и литературно-эстетическим принципам, и художественной практике большинства выдающихся писателей XX – начала XXI века, в числе которых Р. Роллан, А. де Сент-Экзюпери, У. Фолкнер, Т. Манн, П. Неруда, Э. Хемингуэй, М. Астуриас, Г. Гарсиа Маркес, Г. Грин, М. Варгас Льюса, Дж. Гарднер, Дж. Фаулз, К. Воннегут, Г. Бель, М. Уэльбек.

Не касаясь их художественной практики, которая обрела мировую известность благодаря одухотворяющему ее пафосу гуманизма и поэтическому совершенству, напомним суждения некоторых из них об искусстве и миссии писателя. Так, Т. Манн считал важнейшей задачей литературы и писателя утверждение идеи единства отдельной личности с родом человеческим и «доброты, которая сродни мудрости, но ещё более близка любви» [10, с. 365].

Уильям Фолкнер: «Долг писателя и поэта ... помочь человеку выстоять, укрепить человеческие сердца, напоминая о мужестве, чести, надежде, бодрости, сострадании, жалости, самопожертвовании – о том, что составляет извечную славу человечества. Голос поэта не может быть простым эхом, он должен стать опорой, основой, помогающей человеку выстоять и восторжествовать» [13, с. 30].

М. Астуриас: «Своими романами мы стремимся пробудить к жизни чувство добра, гуманизма, взываем к тем, кто способен помочь этим людям» (миллионам, живущим в нищете. – А. М.) [11, с. 61].

П. Неруда: «... я не мыслю иного пути для писателя, живущего в наших пространствах и суровых странах, если мы хотим, чтобы рассеялся мрак, если стремимся к тому..., чтобы эти миллионы людей обрели человеческое достоинство, без которого немисливо быть человеком в этом мире» [11, с. 21].

К. Воннегут: «Если уж человек стал писателем – значит он взял на себя священную обязанность: что есть силы творить красоту, нести свет и утешение людям» [3, с. 410].

Таким образом, использованный в статье материал и сделанные наблюдения позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, гоголевская концепция миссии писателя базируется на его понимании красоты как основы всего искусства, которая, в свою очередь, есть божественный дар людям, а поэт является медиатором между замыслами творца, то есть высшими смыслами бытия, и народом. В силу выпавшей им судьбы поэты являются «передовыми вестниками сил его», что налагает на них особую ответственность за их поприще – создание произведений искусства.

Во-вторых, произведение искусства, и в первую очередь произведение поэтическое, есть способ постижения красоты и утверждения высших смыслов бытия, нравственных ценностей и законов для всего общества и для каждого человека. Подлинный поэт в силу этого должен быть и философом, и поэтом, и историком, то есть обладать мудростью, знанием законов истории, поэтическим даром и мастерством, чтобы передаваемые им другим истины производили, говоря словами В. Жуковского, «неотразимое действие» [12, с. 193].

В-третьих, эта высокогуманистическая концепция, покоящаяся на фундаментальных основаниях художественного творчества, оказалась созвучной не только векам предшествующим, но и векам последующим, что означает ее вхождение в «большое время».

Использованные в статье исследовательские подходы могут быть полезны в дальнейшей разработке актуальной для современного литературного процесса проблемы природы художественного творчества и роли писателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аристофан. Всадники : комедии / Аристофан ; [коммент. В. Ярхо ; пер. с древнегреч.]. – Харьков : Фолио, 2001. – 512 с. – (Библиотека античной литературы).
2. Аристофан. Лисистрата : комедии / Аристофан ; [коммент. В. Ярхо ; пер. с древнегреч.]. – Харьков : Фолио, 2001. – 617 с. – (Библиотека античной литературы).
3. Воннегут К. Хроники Тральфамадора / Курт Воннегут ; пер с англ. – Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. – 1131 с. – (Библиотека мировой литературы).
4. Гоголь Н. В. Повести ; Пьесы. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – Москва : Худож. лит., 1975. – 655 с. – (Библиотека всемирной литературы).
5. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6 : Статьи. 1831–1847 / Н. В. Гоголь ; под общ. ред.: С. Н. Машинского, М. Б. Храпченко ; примеч. Ю. В. Манна. – Москва : Худож. лит., 1978. – 559 с.
6. Гоголь как учитель жизни / [сост. А. Св. Орловым ; отв. ред. А. Рыбакова]. – Москва : Бук Уембор Интернешнл, 1991. – 32 с. – (Жизнь и учения мудрецов).
7. Гораций К. Ф. Оды Эподы ; Сатиры ; Послания ; Наука поэзии / Квинт Флакк Гораций // Буколики ; Георгики ; Энеида / Публий Вергилий Марон. – Москва : НФ «Пушкинская библиотека» : АСТ, 2005. – 917 с.
8. Гомер. Илиада ; Одиссея / Гомер ; пер с древнегреч. – Москва : НФ «Пушкинская библиотека» : АСТ, 2003 – 859 с. – (Золотой фонд мировой классики).
9. Данте А. Божественная комедия / Алигьери Данте ; пер. с итал. – Москва : Наука, 1967. – 627 с.
10. Называть вещи своими именами : программные вступления материалов западноевропейской литературы XX века. – Москва : Прогресс, 1986. – 640 с.
11. Писатели Латинской Америки о литературе / под. ред. В. Кутейщиковой ; пер. с исп., португ. и фр. – Москва : Радуга, 1982. – 400 с.
12. Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма / Ульям Фолкнер ; пер. с англ. – Москва : Радуга, 1980. – 487 с.
13. Соколов Б. В. Гоголь : энциклопедия / Б. В. Соколов. – Москва : Алгоритм, 2003. – 544 с. – (Русские писатели).

ALEXANDER MIHILEV

GOGOL'S CONCEPTION ABOUT ROLE OF A WRITER IN THE CONTEXT OF WORLD LITERATURE

The given article presents the analysis of a present-day problem about the mission of a writer. It has gained a special importance for the modern literary process when the struggle between two conceptions about the role of a writer has become very acute.

One conception is called humanistic which considers the mission and art of a writer as the way to enrich spiritual and moral features of a personality and to confirm a self-respect of a person, but the other conception is used to consider the art of a writer as a play which has nothing to do with social problems.

The aim of the given investigation is to find out what is in common of Gogol's conception about the mission of a writer and the role of art in the world-wide humanistic traditions which have been topical since the antique period till nowadays. In the process of investigation it was proved that the Gogol's conception about the mission of a writer coincides mainly with the ideas formulated by Aristofanus, Goracium, Dante, by German romanticists and by prominent writers of the XX-XXI period.

The scientific novelty lies both in raising the problem which hadn't been investigated earlier from such a position and in giving prospective for further investigation.

Key words: *conception, mission of a writer, humanism, art, tradition.*

Одержано 3.03.2017 р.